

Татьяна ЭЙХМАН

ПОЕЗДКА В ПУШКИНОГОРЬЕ

Вместо пролога

* * *

*Стало модно бранить историю,
Но куда мы пойдём без прошлого?
Да, хотим инноваций, не спорю я,
Но уроки помнить положено...*

*Нам заветы оставили прадеды,
Нам тома написали мудрые,
Освятили места заповедные,
Времена пережили трудные.
Слышу шепот, что Русь – уродина,
Что опять ходят тучи над Русью...
Только люди вновь едут в Болдино,
Да в Михайловское, да в Тарусу.
Кто с поклонами на Мамаев курган,
Кто с цветами в сад Адександровский,
Едут в Оптину пустынь и на Валаам,
Прикоснуться, припасть, поплакаться...
Поклониться могилам в Святых Горах,
В Переделкино, и в Тарханах...
И от пращуров, бывших в прежних веках,
Память в генах хранят упрямо...*

*Зовом сердца хотелось бы мне назвать,
Зовом предков, тропюю вечной
И любовью к той, что нам Родина, Мать,
Русь бескрайняя и бесконечная.*

ЛЕТНИЕ ЗАМЕТКИ

Да, ведаю, друзья: земного шара
Не обойти за много-много лет!

Предложен путь мне, от такого дара
Не откажусь:
Узнать, где жил Поэт,
Где он вставал, разбуженный лучами,
Где Сороть умывала лик волной,
Где лира многозвонная звучала,
Куда примчал Языков молодой,
Где няня говорила сказки ночью...
Необычайность ощутить вокруг!

Судьба шепнула: «Поезжай и точка!»
И я оставила семейный круг,
Чтобы потом вернуться с восклицаньем:
«Там в воздухе – Поэзия сама!»
И вспоминать лесную тишь, молчанье
Глубоких мягких мхов, в тиши дома,
Стояние старинных деревянных
Церквушек, валунов давно седых,
В стремительном полёте клокотанье
Двух аистов. И как забыть мне их?!

ПЕРВЫЙ ВЕЧЕР В ПУШКИНОГОРЬЕ

Мне казалось, что знаю по книгам,
Иллюстрациям, и по фото
Дом Поэта с крыльцом открытым
И кусты сирени под окнами,

Склон холма, околицу старую
За забором, от старости сторбленном...
(Кто читал начало к «Руслану...»:
«Лукоморье» и «...Кот на дубе том...»)

Мы в Михайловское через Бугрово
Через лес тропюю вечернею
Потянулись гуськом, всё в гору...
Вот и церковь – среди леса – древняя,

От неё меж елей разлапистых,
По кореньям, камням щербатым
К озерцу тропинка меж папортников.
Грот чернеющий. Мостик горбатый ...

Вечер плотно укрыл крепдешинами
Баньку, дом литераторов старых,
Видим ленту, людей с машинами,
И дымы! «Стоять! Не пожары ли?» –

«Здесь снимают кино! Закрыт вам путь!»
– был ответ на вопросы тревожные.
Мы решили тогда к Маленцу свернуть,
«Там пройти и к мельнице можно...»

Над озёрной водой зеркальной
Руки в небо воздела мельница...
Память высветила моментально
Этот миг! Ну, а мне не верится...

Неужели иду его вешками?
Вижу лес, что махал ему лапами?
По лицу со слезой с усмешкою
Для «надменных потомков» заповеди:

Отвернуть от проказ и шалостей,
От лукавых советов юности,
Отряхнуться от русской странности,
От ленивой сонливой глупости.

...Здесь, как всюду, дорога неровная,
И деревня чуть дышит. Над Русью
Двести двадцать лет светлым облаком
Пушкин правит. И с ним не боюсь я.

Ах, Россия, шуми дубравами,
И к твоим стволам ныне прислонюсь,
Если с Пушкиным – будем правыми.
Если с Богом мы – будет вечна Русь!

О ПРИЕЗДЕ ЯЗЫКОВА В ТРИГОРСКОЕ

*В 1926 году Алексей Николаевич Вульф по просьбе
Александра Сергеевича Пушкина пригласил в гости в
Тригорское Николая Языкова.*

*Они провели вместе 6 недель. Тригорское, Михай-
ловское...*

*Савкина горка, где однажды мечтал поселиться
Пушкин. Купание в Сороти...*

Со-роть! Со-зерцание! Со-звучание!

* * *

Зачем Языкова сюда он звал?
Чтобы, гуляя в окруженье Муз,
Взлетать стихом из заточенья уз,
Беседы молодецкий накал
Перековать в сиятельный союз?

Над Соротью туманы словно дым,
И мельница остановила ход...
Смеющимся, веселым, молодым
Мечтал здесь жить, писать и стать седым,
Но он не знал всей жизни наперед...

Дождусь рассвета. Мир преобразив,
Восходит Солнце. На траве роса.
Луга, цветные шали расстелив,
Прохладны. Крестик над часовней крив...
Бегу тропинкой! Сини небеса,

По косогору вверх взойду сейчас,
И руки в восхищенье разведу:
Такой простор, что не хватает глаз,
Извивы Сороти... Блеск озера как страз,
И грот на самом дальнем берегу...

Да, эту землю не любить нельзя!
Светильник вдохновенья не погас!
Седых лесов высок иконостас,
И луч, по зелени лугов скользя
Выводит строки дивные для нас!

ПУШКИН В МИХАЙЛОВСКОМ

Четыре белые колонны,
И лестница сбегает вниз,
Где жил Поэт наш очень скромно –
Обильно строфы пролились!

Читает мир уже два века
«Онегина», что начал здесь!
Вдруг мысль мелькнула: «Человеку
Наверно, страшно было: лес
Стеной стоял непроходимый,
Там волчьи ягоды и гнус,
Паучьей сетью уловимый
Листок висел черней, чем грусть...
И ниоткуда не дождёшься
Ни друга ты и ни врага,
А на столбах отметки – вёрсты
До града, где твоя судьба
Чужой (царевой!) рукою
Раскроена и решена...»
«И буря мглою небо кроет»
Ах, нянин стук веретена...

Очнусь... Аллея вдохновенья,
О камень Керн споткнулась тут,
Восстав из «мрака заточенья»,
Певец прославил красоту.

И не наслушаться годами:
«Мгновенье чудное»! Вернись!
Взгляни! Трепещет над дубами
Пронзённая стихами жизнь.

СУДЬБА ПОЭТА

Переосмыслить Пушкина судьбу?
Включаю Верди... Годы и пространства...
Осенние дожди... Лесов убранство...
Взгляд упирается в гнилую городьбу...

Хор громче... Устремясь за горизонт,
Уносят тучи тайны и унынья.
Дорога... Хлябь, такая, как и ныне...
Молчащий Пушкин... Мчащийся возок...

Мне ль пушкинскую жизнь пересмотреть?!
Аккорды твёрже... Почернели листья...
Лицей. Отец. Людей повадки лисьи.
Издатели. Наталья. Дети. Смерть.

Жизнь кончилась, и слава началась!
Гроб по весне достали из-под снега...
Портрет её, и прелести, и нега –
Всё в прошлом... Я о чём писать взялась?

Имею ль право, сделав полшага
От печки, думать о путях Вселенной?
Что ж? Все не вечны в этом мире бренном...
Он – Гений! Я – пылинка с обшлага...

Смотрю опять на пушкинский портрет...
В наш век рекламы перхотно-шампунный
Служенье музам стало модой шумной,
Но сердце не согласно с этим, нет!

О! Пушкин! Нет нужды в моём суде.
Своё я проклиная многословье.
Смолк Верди... Плачу... С искренней любовью
Молюсь высокой пушкинской звезде!

ДОРОГИ МИХАЙЛОВСКОГО

«Пушкина хоронили ранним утром 6 февраля, когда ещё не рассвело, «часу в 7-м утра». Зима стояла суровая, «земля вся промёрзла, – ломом пробивали лёд, чтобы дать место ящику с гробом, который потом и закидали снегом», – вспоминает дочь Осиповой Мария Ивановна, в 1837 году ей было 16 лет.

Весной 1837 года Осипова исполнила душевный долг, завещанный ей от Бога, она благоустроила могилу, выложила камнем ложе для гроба...

Зимой здесь шли звериной тропой,
Потом по льду, что озеро одело,
А летом по дорожке полевой
Среди лугов прибрежных... То и дело,

Как и тогда, кузнечики стучат
В свои невидимые барабаны,
И белопенна таволги парча,
И тишина заманчиво обманна...

В глуши еловой, в зарослях и мхах
Укрыта Псковская его обитель,
И травы клонятся на тех холмах,
Где он теперь иного мира житель...

Писал когда-то здесь свои стихи...
И вот по кругу вечером читаем,
И наши комментарии сухи,
И автор до сих пор недосыгаем...

Когда уедем, увезем с собой
Воды молчанье, выклики кукушки,
Над елями свет неба голубой
И память о Михайловском, где Пушкин...

